

ГУМАНИТАРНАЯ ПОЛИТИКА НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ЮЖНОЙ ОСЕТИИ КАК ОРИЕНТИР СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Научная статья

Е.С. Комарова

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО)
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9988-9879
E-mail: evgeniam115@gmail.com*

А.А. Кочиева

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО)
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4338-3593
E-mail: alanakocty777@mail.ru*

Н.И. Курбанов

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО)
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4820-1373
E-mail: nazar.kurbanov2001@yandex.ru*

В статье рассмотрены ключевые аспекты «политики памяти» Южной Осетии, направленные на сохранение ее национальной идентичности. В своей работе авторы исходили из особой важности «политики памяти» для постсоветских сецессий. Перед авторами стояла задача обозначить паттерны и направления реализации «политики памяти» Южной Осетии как постсоветской сецессии. В статье описаны и проанализированы основные предпосылки, а также ключевые геополитические факторы, влияющие на формирование запроса на развитие идентично-ориентированной культурной политики в де-факто политии – в первую очередь, ее взаимоотношения с Россией и Грузией. Авторы пришли к выводу, что наибольшее влияние на формирование «политики памяти» в Республике Южная Осетия (РЮО) оказали три фактора: во-первых, разделение Осетии на Северную и Южную; во-вторых, инкорпорация Южной Осетии в состав Грузии и попытки СССР сформировать «советского человека»; в-третьих, боевые действия с Грузией в 1920, 1989–1992 и 2008 гг. Также авторы уделили внимание практической реализации «политики памяти» Южной Осетии и пришли к выводу, что коммеморативная политика РЮО реализуется по трем основным направлениям: по отношению к аланским памятникам культуры, в области сакральной коммеморации и по отношению к жертвам геноцида южных осетин. Сохранение аланского культурного и исторического наследия представляет особую важность для сохранения государственности РЮО и реализуется в форме сохранения аланских культурных памятников и информационной политике, направленной на формирование образа РЮО как исторической преемницы Алании. Сакральная коммеморация в контексте культурной политики РЮО заключается в сохранении религиозных и культурных памятников Аланского православия. «Политика памяти» в отношении коммеморации жертв геноцида осетинского

народа фокусируется на призывах к международному сообществу о признании геноцида, а также регулярных культурных мероприятиях, целью которых является информирование населения о военных преступлениях Грузии по отношению к осетинам.

Ключевые слова: Южная Осетия, «политика памяти», сецессия, идентичность, постсоветское пространство, Южный Кавказ.

Для цитирования: Комарова Е.С., Кочиева А.А., Курбанов Н.И. Культурная политика Южной Осетии как ориентир сохранения идентичности в контексте международных трансформаций // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 8. С. 942–954.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта КМУ-14/04 «Сецессии и де-факто политики на постсоветском пространстве».

CULTURAL POLICY OF SOUTH OSSETIA AS A REFERENCE POINT FOR PRESERVING IDENTITY IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL TRANSFORMATIONS

Research article

E. Komarova

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO)
Moscow, Russian Federation
E-mail: evgeniam115@gmail.com*

A. Kochieva

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO)
Moscow, Russian Federation
E-mail: alanakocty777@mail.ru*

N. Kurbanov

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO)
Moscow, Russian Federation
E-mail: nazar.kurbanov2001@yandex.ru*

The article examines key aspects of South Ossetia's «politics of memory» aimed at preserving its national identity. In their work, the authors proceeded from the special importance of «memory politics» for post-Soviet secessions. The authors had the task of outlining the patterns and directions of realization of South Ossetia's «memory politics» as a post-Soviet secessionist state. The article describes and analyzes the main preconditions as well as key geopolitical factors influencing the formation of the demand for the development of identity-oriented cultural politics in de facto South Ossetia – primarily its relations with Russia and Georgia. The authors concluded that three factors had the greatest impact on the formation of «memory politics» in Republic of South Ossetia (RSO): first, the division of Ossetia into North and South Ossetia; second, the incorporation of South Ossetia into Georgia and the attempts of the USSR to form a «Soviet man»; and third, the hostilities with Georgia in 1920, 1989–1992 and 2008. The authors also paid attention to the practical implementation of South Ossetia's «memory policy». The authors concluded that the commemorative policy of RSO is realized in three main directions: in relation to Alanian cultural

monuments, in the field of sacral commemoration and in relation to the victims of the genocide of South Ossetians. The authors concluded that the preservation of Alanian cultural and historical heritage is of particular importance for the preservation of the statehood of RSO and is realized in the form of preservation of Alanian cultural monuments and information policy aimed at forming the image of RSO as the historical successor of Alania. Sacral commemoration in the context of cultural policy of RSO consists in the preservation of religious and cultural monuments of Alanian Orthodoxy. «Memory policy» with regard to commemoration of the victims of the genocide of the Ossetian people focuses on appeals to the international community to recognize the genocide, as well as regular cultural events aimed at informing the population about Georgia's war crimes against Ossetians.

Key words: *South Ossetia, «memory policy», secession, identity, post-Soviet space, South Caucasus.*

For citation: *Komarova E.S., Kochieva A.A., Kurbanov N.I. Cultural Policy of South Ossetia as a Reference Point for Preserving Identity in the Context of International Transformations // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2024. Vol. 7. № 8. P. 942–954. (In Russ.)*

Funding: the research was funded by CYS-14/04 «Secessions and de-facto states in the post-Soviet space».

«Политика памяти» – работа в области сохранения культурной среды через совместные представления о прошлом [Русскова, 2023: 36–37; Bell, 2003: 65–70] – является важнейшим компонентом идентичности любой крупной социальной группы. Институты и корпорации, а также культуры, нации, государства, церковь или частные компании «конструируют» память и собственную идентичность с помощью мемориальных знаков и символов [Ассман 2014: 33].

Введение в проблематику исследования. В настоящее время мы живем в эпоху революционных перемен, когда изменяется само представление о сущности времени, о прошлом, настоящем и будущем человечества [Филлюшкин, 2022: 18]. Такая ситуация обусловлена появлением и стремительным развитием новых информационно-коммуникационных технологий (Интернет, социальные сети и т.д.), что привело к экспоненциальному росту количества информации: например, один выпуск газеты «Нью-Йорк Таймс» содержит больше информации, чем было доступно жителю Англии XVII в. за всю его жизнь [Логинов, 2022: 60]. В результате мы в реальном времени можем наблюдать появление и эволюцию различных версий того или иного исторического события, которые могут быть переписаны в режиме реального времени – те-

перь существует только «расширенное настоящее», которое поглотило прошлое и будущее [Филлюшкин, 2022: 23].

Собственно память в настоящее время подменяется исторической политикой, даже «политиками памяти» – разные политические акторы могут трактовать одно и то же событие по-разному и использовать эти трактовки как оружие друг против друга [Политика памяти, 2020: 11–12]. Это выводит международные и межнациональные конфликты на качественно новый уровень.

А особенную актуальность эволюция методов «политики памяти» представляет для де-факто государств, в частности, в Закавказье [Маркедонов, 2020: 34–35]. Автор исходит из того, что для более или менее стабильного существования непризнанных малых государств особенно важным является сохранение их национальной идентичности. Наша гипотеза заключается в том, что с целью сохранения своей идентичности в нынешних условиях Южной Осетии приходится прибегать к активной реализации всеобъемлющей мемориальной политики.

Наша гипотеза основывается, в первую очередь, на работах Дж. Тернера и его теории социальной идентичности. Мы исходим из того, что формирование национальной идентичности во многом зависит от исторического контекста, восприятие которого в коллективной памяти можно видо-

изменять и направлять посредством эффективной мемориальной политики [Turner, 1999: 6–34].

Данная тема актуальна сразу по нескольким причинам. Во-первых, в связи с ликвидацией независимой Нагорно-Карабахской Республики (НКР), инкорпорацией ее в состав Азербайджана, а также в условиях жесткой конфронтации по линиям «Россия–США» и «США–Китай» «пространство для маневра» для непризнанных и частично признанных государств резко сузилось, а международная обстановка вокруг таких де-факто политий ужесточилась [Броерс, 2022: 11–18]. Во-вторых, улучшение отношений России с Грузией, а также некоторое охлаждение российско-абхазских отношений на фоне блокирования Россией финансовой помощи этой стране¹ вынуждают руководство Южной Осетии учитывать складывающиеся реалии. В-третьих, в Республике Северная Осетия-Алания в составе России реализуются масштабные программы по восстановлению и цифровизации аланского культурного наследия в рамках национального проекта «Культура» и ряда указов Президента РФ [Тургиева, Туаева, 2022: 64–66]. Однако Южная Осетия из-за хронической нехватки финансирования не может похвастаться чем-то подобным [Кочиева, 2022: 61], что также ставит под вопрос само выживание этой де-факто политики в качестве независимого государства.

Если исследования «политики памяти» в крупных восточноевропейских государствах после распада Советского Союза переживают «бум исследований памяти» [Wawryzniak, Pakier, 2013: 259–260], то в отношении постсоветских де-факто государств фокус направлен на их правовые, геополитические и внутривнутриполитические аспекты. Действия же мнемонических акторов и в целом «политика памяти» в де-факто государствах остается в тени.

Тема «политики памяти» в том или ином виде была затронута в работах запад-

ных и российских ученых, в том числе осетинских. Одним из основных теоретиков концепции коллективной памяти является французский ученый-антрополог Пьер Нора, который в своем научном исследовании «Места памяти» («Les Lieux de Mémoire») отмечал, что «места памяти являются пространством единства духовного и материального, которое стало символом наследия национальной, или коллективной, памяти людей» [Нора, 1984: 26]. Серьезный вклад в развитие его идей внесла А. Ассман, которая обобщила и систематизировала различные подходы к изучению «политики памяти», а также уделила серьезное внимание именно психологическому аспекту формирования коллективной памяти в различных обстоятельствах. Среди российских публикаций можно выделить коллективную монографию «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы» под редакцией А. Миллера и Д. Ефременко. В настоящей работе нам интересны разделы книг А. Ассман, А. Миллера и Д. Ефременко о «травматической памяти», или коммеморативных практиках, сформированных в результате масштабных потрясений (например, войны) [Ассман, 2014: 236–248]. На наш взгляд, наиболее ярко это продемонстрировано в соответствующих статьях книги А. Миллера и Д. Ефременко о «политике памяти» на Украине, ее эволюции и, самое главное, эволюции новых источников памяти после 2014 г. (комиксы, сувениры и даже крафтовое пиво) [Политика памяти, 2020: 414–438]. Кроме того, нам представляются интересными статьи А. Филюшкина и П. Логинова о разработке соответствующих информационных политик и «политик памяти» в новых условиях, а именно – в обстановке сформировавшегося «расширенного настоящего», которое поглотило и прошлое, и будущее [Филюшкин, 2022: 16–29], в результате чего все исторические события без исключения могут быть переписаны в режиме реального времени, часто в угоду заинтересованным в этом акторам [Логинов, 2022: 60–69].

Среди российских осетинских ученых необходимо упомянуть Р.С. Бзарова, Р. Траба, З.А. Тургиеву, Б.В. Туаеву, а также фун-

¹ «Все мы постарались»: почему Россия приостановила соцвыплаты в Абхазии. По оценке Сухума, отношения с Москвой значительно изменились // РБК. 4.09.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/09/2024/66d8800e9a79479bd58a8207> (дата обращения: 11.09.2024).

даментальный труд «Осетины» Российской академии наук серии «Народы и культуры». Как отмечают А. Миллер [Миллер, 2012: 7–33] и Р. Траба [Траба, 2012: 65–103], «политика памяти» – это политическая деятельность, в которой различные политические силы сражаются за установление своей гегемонии и контроля. Р.С. Бзаров [Бзаров, 2014: 10–30] выдвигает тезис о том, что грамотная «политика памяти» может стать одним из решающих факторов сохранения не только идентичности, но и самой государственности страны в условиях глобализации¹. В контексте сохранения идентичности южных осетин он подчеркивает важную роль именно традиционной аланской культуры. В свою очередь, К.Г. Дзугаев подчеркивает гибкость и способность юго-осетинской идентичности перед внутренними и внешними политическими вызовами [Дзугаев, 2020: 4–9]. Это говорит о том, что и сейчас у Южной Осетии есть достаточно большой потенциал к развитию и сохранению своей идентичности в меняющемся мире.

Начавшаяся Специальная военная операция России на Украине в 2022 г., восстановление территориальной целостности Азербайджана в 2023 г. через ликвидацию непризнанной Нагорно-Карабахской Республики коренным образом изменили геополитический ландшафт в Закавказье и вокруг Южной Осетии соответственно.

Вместе с этим в сентябре 2024 г. стало известно, что правительство России приостановило социальные выплаты в Абхазии и перевела поставки электроэнергии этой стране на коммерческую основу², обосновывая такое решение тем, что Абхазия долгое время не выполняла взятые на себя обязательства по целому ряду договоров (например, по реконструкции пункта базирования Военно-морского флота России в

Очамчирском районе Республики). Все это ужесточает геополитическую обстановку для де-факто политий региона в целом и для Южной Осетии в частности. Таким образом, текущая международная обстановка ограничивает пространство для маневра де-факто политиям Закавказья. Можно сказать, что Южная Осетия столкнулась с очередным серьезным вызовом на фоне изменившейся геополитической конфигурации в регионе, которая выражается в растущей экономической значимости Грузии и некотором охлаждении российско-абхазских отношений.

Результаты экспертного опроса представителей ведущих исследовательских институтов РЮО. Научная новизна настоящей работы заключается в нескольких аспектах. Во-первых, авторы провели в Южной Осетии серию интервью среди лиц, принимающих решения, опросив представителей политической и интеллектуальной элиты Республики, среди которых были бывшие главы парламента Южной Осетии, администрации Президента, Министерства печати и информации Республики, а также действующие сотрудники администрации Президента, Министерства культуры, медиацентра «Ир» и Юго-Осетинского научно-исследовательского института.

Вопросы касались следующих аспектов:

- 1) современное положение Южной Осетии в мире и непосредственно в Закавказье;
- 2) восприятие южноосетинским обществом России, ее отдельных субъектов (прежде всего, Республик Северная Осетия-Алания и Ингушетия), а также Грузии;
- 3) культурная политика Южной Осетии, ее позитивные и негативные стороны.

Авторы настоящей работы каждому интервьюируемому задавали следующие вопросы:

1. Что для вас Россия?
2. Что для вас Южная Осетия?
3. Что для вас Грузия?
4. Какие основные исторические события в истории Южной Осетии вы бы выделили и почему?
5. Кем представлен для вас образ «другого»?
6. Какую роль играет в вашей национальной идентичности религия?

¹ Традиционная культура осетин: история, современное состояние и перспективы // Официальный сайт администрации Президента Республики Южная Осетия. 15.04.2021. URL: <https://south-osetia.info/tradicionnaya-kultura-osetin-istoriya-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения: 11.09.2024).

² «Все мы постарались»: почему Россия приостановила соцвыплаты в Абхазии // РБК. 4.09.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/09/2024/66d8800e9a79479bd58a8207> (дата обращения: 03.11.2024).

7. Как бы вы поменяли культурную политику Южной Осетии?

В отношении первого вопроса эксперты охарактеризовали положение Южной Осетии как стабильное благодаря тому, что Россия обеспечивает безопасность Республики, несмотря на некоторые недоработки в российско-югоосетинских отношениях. Никто из экспертов не ожидает прямого вооруженного столкновения с Грузией.

В отношении второго вопроса все участники опроса использовали слова «Родина»; отдельно они упомянули, что у Южной Осетии нет будущего без России.

В отношении третьего вопроса эксперты оказались также единодушны в том, что Грузия (а конкретно – грузинский национализм) – противник, даже враг № 1, от которого исходит негативное влияние. Однако в случае изменения курса Грузии Южная Осетия всегда открыта к доброму и взаимовыгодному и, самое главное, равноправному диалогу.

Отвечая на четвертый вопрос, эксперты выделяли разные ключевые события в истории Осетии, часто они упоминали их вскользь и при ответах на другие вопросы. Постараемся перечислить эти вехи в их общей хронологической последовательности:

1) монгольское вторжение XIII в., которое привело к упадку осетинской культуры, всеобщему запустению и миграции осетин в горы;

2) 1774 г., когда Осетия вошла в состав России и началось постепенное возрождение утраченных культурных и исторических основ осетин (например, христианства), а также стал формироваться билингвизм. Все эксперты единодушно отметили, что выбор в пользу России был абсолютно прагматическим и взвешенным;

3) 1920 г.: геноцид осетинского народа, организованный грузинами. Тогда, по мнению экспертов из Юго-Осетинского научно-исследовательского института, грузинам почти удалось «зачистить» территорию Южной Осетии от самих осетин, что негативно отразилось на культуре и традициях этого народа;

4) вторая половина 1930-х–1953 гг.: период репрессий, когда особенно была сильна фигура Лаврентия Берия, который не только

расстрелял всю интеллектуальную элиту осетин, но и фактически запретил осетинский язык на официальном уровне;

5) 1960–1980-е гг.: «золотой век» отношений Грузии и Осетии. Эксперты особенно выделяют фигуру Эдуарда Шеварнадзе, который, будучи министром внутренних дел Грузинской ССР, активно боролся с грузинским национализмом;

6) конец 1980-х гг. – 2008 г.: мы решили объединить несколько этапов в один, так как целый ряд экспертов обозначил это время как «непрекращающаяся гибридная война» между Абхазией и Грузией. Среди этого этапа эксперты выделяют провозглашение независимости Южной Осетии в 1991 и 2004 гг., когда российские истребители пролетели над Гори, чтобы вынудить грузинское правительство прекратить эскалацию на границе между Грузией и Южной Осетией. Однако наиболее часто эксперты упоминали 2008 г. не столько в контексте войны с Грузией, сколько в контексте признания Южной Осетии Россией и установления полномасштабных отношений.

Что же касается пятого вопроса, то эксперты были единодушны в том, что главный «другой» – это Грузия, а также все недоброжелатели и противники России, включая «пятую колонну» в самой России.

Отвечая на шестой вопрос, эксперты хоть и отметили определенный рост религиозности в последнее время, но подчеркнули, что сам по себе религиозный фактор не играл определяющего значения в политике осетин. Не играет в этом вопросе особой роли и фактор мусульманских республик в составе России (например, Республика Ингушетия), которые географически примыкают к Осетии. Однако эксперты из медицентра «Ир» добавили, что религия является еще одной «точкой напряжения» с Грузией, так как территория Южной Осетии номинально относится к Грузинскому патриархату (и Россия продолжает признавать такое положение вещей).

Что же касается седьмого вопроса, то эксперты единогласно отметили нехватку финансирования для реставрации и поддержания в должном виде объектов культурного наследия Республики. Тем не менее сотрудники Министерства культуры надеются, что за счет туристов удастся не

только проводить мероприятия по консервации тех или иных памятников, но и некоторые реставрационные работы.

Основа «политики памяти» Южной Осетии. Осетия в целом имеет богатую историю, которая насчитывает не одну тысячу лет, что является мощной опорой идентичности южных осетин. Можно выделить несколько факторов, которые играют решающую роль в формировании «политики памяти» этой де-факто политики.

Во-первых, разделение единой Осетии на северную и южную части в годы советской власти само по себе серьезно рассинхронизировало развитие осетинской культуры и общества. Разделение единой Осетии было сделано во многом намеренно, чтобы «заякорить» Грузию и не допустить ее внезапного выхода из СССР [Дзугаев, 2018: 32]. Вместе с этим такое положение дел способствовало постепенной грузинизации Южной Осетии в 1920–1980-х гг. через заключение многочисленных межнациональных браков, миграции грузинского населения на осетинские земли и т.д.

Во-вторых, целенаправленная политика советской власти по построению советского человека и инкорпорации Южной Осетии в состав Грузии серьезно ограничила влияние осетинской культуры и языка. Так, по словам спикеров, которых опросили авторы, грузинское руководство сосредоточилось, прежде всего, на репрессиях против культурной элиты Южной Осетии, полностью истребив ее дважды: в 1920 и в 1937–1938 гг. Такие действия лишили Южную Осетию потенциала активно отстаивать курс на отделение от Грузии. Более того, в отдельные периоды (например, в 1982–1987 гг.) они активно преследовались [Бзаров, 2014: 215], что привело к формированию мифов, в которые до сих пор верит грузинское общество. Например, одним из самых укоренившихся мифов является антинаучная теория о том, что осетины – это народ, который пришел на уже заселенную кавказами (предками грузин) территорию¹.

В-третьих, наиболее серьезным фактором являются боевые действия 1991–1992, 2004 и 2008 гг. против Грузии. Любопытно, что некоторые спикеры объединили эти обострения военно-политической обстановки в один большой период «гибридной войны» Грузии против Южной Осетии. Например, результатами вооруженного противостояния только за 1991–1992 гг. стали сотни погибших, тысячи раненых и более 30 тыс. беженцев, а также разрушение 4135 объектов жилья, соцкультбыта и коммунального назначения [Цаллагова, Чибиров, 2015: 109]. Все это окончательно зацементировало идентичность южных осетин, прежде всего, как «не-грузин».

Таким образом, неоднократные попытки Грузии инкорпорировать Южную Осетию в состав Грузии, в том числе вооруженным путем и через репрессии в советское время, разделение единой Осетии на две части с разным административным подчинением, с одной стороны, ослабили и замедлили развитие осетинского общества, но с другой – привели к формированию стойкой идентичности южных осетин как «не-грузин» с четким запросом на полное отделение от Грузии и объединение с Северной Осетией.

Практическая реализация «политики памяти» в РЮО. Если говорить о практической реализации культурно-коммеморальной политики Южной Осетии, то стоило бы разделить ее на три значимых аспекта: политика в отношении к аланским памятникам культуры, сакральная коммеморация (практика охраны и восстановления религиозных культурных объектов) [Гуров, 2018: 54–60] и «политика памяти», фокусирующаяся на сохранении памяти о геноциде осетинского народа.

Первые два аспекта подразумевают реализацию политики по охране культурно-исторических объектов – основы этой политики закреплены в законе 2012 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народа Республики Южная Осетия», согласно которому надзор и охрану культурных и исторических объектов должен осуществлять государственный орган с соответствующей специализацией. Однако на практике автономного органа, реализующего подобную политику, нет. Охрана культурно-исторических объ-

¹ Кулумбегов Р. Битва за аланское наследие? // Республика: официальный информ. портал газеты. 14.09.2012. URL: <https://respublikarso.org/elections/191-bitva-za-alanskoe-nasledie.html> (дата обращения: 17.03.2024).

ектов находится в ведении отдела Министерства культуры¹. В 2022 г. отдел сформировал государственный реестр памятников культуры, насчитывающий более 1500 объектов (в их числе – церкви, склепы и фортификационные сооружения), историко-культурную экспертизу планируется провести в ближайшем будущем².

Проблема самоидентификации южных осетин как главных преемников Аланского государства является одним из базовых факторов проведения культурной политики, направленной на сохранение идентичности. Южные осетины ревностно относятся к попыткам других кавказских народов культурно апроприировать аланскую культуру и историю, которую они считают неотъемлемой частью своей цивилизации. Так, решение ингушского правительства дать въездной арке в свою столицу Магас название «Аланские ворота» в 2015 г. вызвало возмущение в академических и правительственных кругах и Южной, и Северной Осетии – с учетом того факта, что и название города «Магас» является отсылкой к названию столицы древнего Аланского государства, хотя сам город был заложен в 1994 г.³. Опрошенные авторами эксперты отмечают, что противоречия между осетинами и ингушами подогреваются, скорее, ингушской стороной, хотя на фоне осетино-грузинского конфликта этот фактор можно считать не столь значительным.

В связи со значимостью аланской культуры для идентификации южных осетин защита и сохранение ее памятников является приоритетным направлением для РЮО.

¹ Парламентарии Южной Осетии указали на неисполнение Закона в сфере охраны памятников // Государственное информационное агентство «Рес». Республика Южная Осетия. 15.07.2023. URL: <https://cominf.org/node/1166551103> (дата обращения: 11.09.2024).

² Более 1500 объектов: в Южной Осетии сформирован реестр исторических и культурных памятников // Государственное информационное агентство «Рес». Республика Южная Осетия. 13.01.2023. URL: <https://cominf.org/node/1166547916> (дата обращения: 11.09.2024).

³ Аланское национальное пространство как основа сохранения идентичности осетинского народа // Администрация Президента Республики Южная Осетия: официальный сайт. 10.03.2016. URL: <https://south-ossetia.info/alanskoe-nacionalnoe-prostranstvo-kak-osnova-soxraneniya-identichnosti-osetinskogo-naroda> (дата обращения: 11.09.2024).

На данный момент ведутся работы по восстановлению крепости Гомарты дзуар в селе Дзагина, которая датируется VII в., а также других культурных объектов Дзагина – святилища Гомарты дзуар, Морехского креста, крепости в селах Хеит и Циркол⁴. Тем не менее в ходе беседы с лицами, принимающими решения в Южной Осетии, и экспертами по сохранению культурных памятников большинство отметило острую нехватку финансирования на реставрационные работы разрушающихся объектов.

Национальная идентификация осетин с аланами неразрывно связана с их религиозной идентификацией. Аланы считаются одним из первых народов Кавказа, принявших христианство [Туаллагов, 2020: 20–31]. В Конституции Республики Южная Осетия православие отмечено как одна из основ культурной идентичности осетин. При этом Аланская епархия является автономной от двух других ближайших церковных традиций – Русской православной церкви и Грузинской православной церкви [Гатикоева, 2012: 77–79], что делает политику сакральной коммеморации аланских православных святых одним из важнейших аспектов сохранения идентичности. Это является одной из причин высокого значения сакральной коммеморации для РЮО. Сам термин «сакральная коммеморация» в российских исследованиях памяти был введен М.Б. Гуровым [Гуров, 2018: 54–60]. Под ним понимается политика постройки и восстановления религиозных сооружений и памятников. Соответственно, в контексте Южной Осетии сакральная коммеморация нацелена на восстановление храмов и других памятников архитектуры, связанных с аланской традицией православия.

Одним из наиболее значимых и древних памятников аланского религиозного строительства является Храм Святого Георгия (Сырх Дзуар), однако восстановление святыни, серьезно поврежденной в ходе землетрясения 1991 г., длится уже более

⁴ Поручение Президента разработать комплекс мер по реставрации памятников культуры // Южная Осетия: республиканская общественно-политическая газета. 3.07.2023. URL: <https://ugo-osetia.ru/kultura/poruchenie-prezidenta-razrabotat-kompleks-mer-po-restavracii-pamyatnikov-kultury> (дата обращения: 11.09.2024).

10 лет¹ и сталкивается с рядом трудностей, вызванных недостатком финансирования и отсутствием продуманного планирования². Международная защита и признание памятников аланской православной традиции также является одним из направлений культурной политики РЮО – так, тогдашний министр культуры Магина Остаева в 2017 г. сделала заявление о необходимости признания монастырского комплекса XII–XVI вв. в селе Монастер и Тигвинского храма Пресвятой богородицы XII в. объектами культурного наследия ЮНЕСКО, однако на практике эта инициатива реализована не была³.

Третьим важнейшим аспектом политики коммеморализации в Южной Осетии является «политика памяти», реализуемая в форме организации коммемориальных мероприятий, музеев и выставок, посвященных борьбе осетинского народа за свою независимость и международное признание его идентичности, а также осуждающих преступления грузинского правительства по отношению к народу Южной Осетии на протяжении XX в.

Это направление мемориальной политики РЮО можно назвать проявлением «политики сожаления», введенной в русских исследованиях памяти О.Ю. Малиновой. По Малиновой, «политика сожаления» представляет собой культурно-историческую политику, базирующуюся на коллективной травме народа [Малинова, 2017: 6–22]. При этом коллективная травма может не только влиять на идентичность народа, но и являться одним из центральных точек ее формирования [Еуерман, 2004: 60–111], и в этом случае «политика сожаления» будет влиять напрямую на сохранение идентичности народа

¹ Сырх Дзуар. История нашей безалаберности // Государственное информационное агентство «Рес». Республика Южная Осетия. 4.04.2013. URL: <https://cominf.org/node/1166496153> (дата обращения: 11.09.2024).

² Более 1500 объектов: в Южной Осетии сформирован реестр исторических и культурных памятников // Государственное информационное агентство «Рес». Республика Южная Осетия. 31.01.2023. URL: <https://cominf.org/node/1166547916> (дата обращения: 11.09.2024).

³ Еще раз о культурных памятниках // Администрация Президента Республики Южная Осетия: официальный сайт. 14.01.2017. URL: <https://south-ossetia.info/eshhe-raz-o-kulturnyx-pamyatnikax> (дата обращения: 11.09.2024).

в той же мере, что и упомянутые выше формы «мемориальной политики».

Правительство Южной Осетии признает три геноцида, совершенных грузинскими властями против осетин – в 1920, 1989–1992 и 2004–2008 гг.⁴. В 2006 г. правительство Южной Осетии опубликовало декларацию с призывом к международному сообществу признать факт геноцида юго-осетинского народа в 1989–1992 гг.⁵ и продолжает добиваться признания этого факта сегодня⁶. Также в РЮО функционирует Комиссия по меморализации геноцида, которая занимается разъяснительной работой среди населения, установкой памятников и мемориальных досок, работой с архивными документами, организацией конференций и музеев⁷.

В 2009 г. в Цхинвале был открыт Музей геноцида, в котором были представлены материальные и фотосвидетельства геноцида 2004–2008 гг.⁸. Также активно ведется сбор информации о предшествующих этнических чистках – с 2019 г. Национальный музей ведет сбор свидетельств и информации о геноциде 1920 г.⁹, а в 2020 г. в музее была открыта соответствующая экспозиция¹⁰. Кроме того, в 2007 г. был открыт памятник, посвященный Зарской трагедии

⁴ История и культура Республики Южная Осетия // МИД РЮО. URL: <https://mfa.rsogov.org/ru/node/3336> (дата обращения: 11.09.2024).

⁵ Декларация о геноциде южных осетин в 1989–1992 гг. // Государственное информационное агентство «Рес». Республика Южная Осетия. 26.04.2006. URL: <https://cominf.org/en/node/1146047662> (дата обращения: 11.09.2024).

⁶ Геноцид осетин в 1920 г.: история и выводы // Государственное информационное агентство «Рес». Республика Южная Осетия. 20.06.2023. URL: <https://cominf.org/node/1166517088> (дата обращения: 11.09.2024).

⁷ Увековечить память о жертвах геноцида осетинского народа // Южная Осетия: республиканская общественно-политическая газета. 15.04.2016. URL: <https://ugo-osetia.ru/obshhestvo/uvekovechit-pamyat-ozhertvakh-genotsida-osetinskogo-naroda> (дата обращения: 11.09.2024).

⁸ В Цхинвале открыт музей геноцида // Вести: информационное агентство. 8.08.2009. URL: <https://www.vesti.ru/article/2165523> (дата обращения: 11.09.2024).

⁹ Директор Нацмузея: проблема геноцида осетин должна получить масштабное звучание // Спутник: Южная Осетия. 23.20.2019. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20191023/Direktor-Natsmuzeya-problema-genotsida-osetin-dolzha-poluchit-masshtabnoe-zvuchanie-9459763.html> (дата обращения: 11.09.2024).

¹⁰ В Национальном музее открылась экспозиция к 100-летию геноцида. 27.06.2020. URL: <https://ugo-osetia.ru/kultura...> (дата обращения: 11.09.2024).

дии – одному из преступлений грузинских властей против осетинского народа 1992 г.¹

В целом если говорить о реализации коммемориальной идентичностной политики в РЮО, напрашивается сравнение с другим постсоветским де-факто государством, также отделившимся от Грузии, – Абхазией. Основное сходство здесь будет заключаться, в первую очередь, в сакральной коммеморации. В Абхазии, как и в Южной Осетии, существует своя Православная церковь, которая сформировалась и развивалась отдельно от Русской и Грузинской православных церквей. Однако стоит заметить, что в случае Абхазии сакральная коммеморация (и абхазское православие) играет более значимую роль для формирования постсоветской идентичности этой де-факто политики, чем в случае РЮО. Официальное отделение Абхазской православной церкви от Грузинской произошло именно в контексте марша на Сухуми². Более того, если говорить о других религиозных направлениях в Абхазии, после обретения независимости население проявляет все больший интерес к

традиционным абхазским верованиям именно в контексте национальной идентичности [Агабабян, 2016: 65–86].

При этом вопрос «политики сожаления» в абхазском информационном поле поднимается значительно реже, чем в случае осетин: понятие «геноцид» в контексте конфликта с Грузией 1992–1993 гг. поднимается некоторыми официальными лицами, например, Т.А. Ачугбой³, однако масштабные действия по вопросу коммеморации геноцида Абхазским правительством пока не предпринимаются.

Таким образом, можно сделать вывод, что кейс Южной Осетии в контексте коммемориальных практик достаточно уникален. Он сочетает в себе как идентичностную политику, направленную на сохранение исторической аланской и религиозной идентичности, так и политику, направленную на коммеморацию геноцида; при этом, в отличие от кейса Абхазии, сакральная коммеморация представляет наименее политизированный аспект идентичностной мемориальной политики РЮО.

Особенно важную роль с точки зрения идентичности играют следующие два периода: период расцвета Аланского государства и борьба за независимость от Грузии на протяжении XX в.

³ О геноциде абхазов конца XX века // Нужная газета. 14.12.2015. URL: <https://abh-n.ru/o-genocide> (дата обращения: 29.10.2024).

¹ В Республике Южная Осетия открыт памятник жертвам «Зарской трагедии» // Государственное информационное агентство «Рес». Республика Южная Осетия. 17.09.2007. URL: <https://cominf.org/node/1166475512> (дата обращения: 11.09.2024).

² Как абхазская церковная жизнь перестала быть частью Грузинской церкви // Абхазская православная церковь. 5.08.2024. URL: https://aiasha.ru/orthodox_abkhazia/97/1009 (дата обращения: 29.10.2024).

ЛИТЕРАТУРА

- Агабабян А. «Во что мы верим?»: возрождение «традиционной религии» в поствоенной Абхазии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М., 2016. С. 65–88.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика: монография / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Бзаров Р.С. Из истории аланской культуры: монография / Институт истории и археологии РСО-Алания. М.: СЕМ, 2014. 400 с.
- Броерс Л. Политическое происхождение де-факто государств: в поисках объяснительных моделей // Международная аналитика. 2022. № 3 (14). С. 11–18.
- Гатикоева Н.П. Культурная идентичность как основа государственной идентичности на примере Южной Осетии // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 3 (46). С. 77–79.
- Гуров М.Б. Государственная мемориальная культурная политика: к вопросу о сакральной коммеморации // Культурное наследие России. 2018. № 1. С. 54–60.
- Дзугаев К.Г. Южные осетины: борьба за идентичность // Вестник Поволжского института управления 2020. Т. 20. № 6. С. 4–9.
- Дзугаев К.Г. Южная Осетия и большой террор в советской Грузии (часть 2) // Вестник Владикавказского научного центра. 2018. Т. 18. № 1. С. 31–38.

Кочиева А.А. Деятельность ЮНЕСКО по охране культурного наследия на территории частично признанных и непризнанных государств // Концепт: философия, религия, культура. 2022. № 6 (3). С. 50–67. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-50-67>.

Логинов П.К. Информационно-психологическое воздействие в современных операциях // Военная мысль. 2022. № 5. С. 60–69.

Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. № 4 (87). С. 6–12.

Маркедонов С.М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 1 (11). С. 24–40.

Миллер А. Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // *Миллер А., Липман М.* Политика памяти в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–33.

Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.

Русакова О.Ф. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 32–51.

Траба Р. Польские споры об истории в XXI в. // *Миллер А., Липман М.* Политика памяти в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 65–103.

Туаллагов А.А. О дохристианской религии аланов // Известия СОИГСИ. 2020. № 34. С. 20–31.

Тургиева З.А., Туаева Б.В. Реализация основных направлений государственной культурной политики в Северной Осетии в конце XX – начале XXI в. // Известия СОИГСИ. 2022. № 45 (84). С. 61–70.

Филлюшкин А.И. Почему в современном мире будущее заменяют прошлым: история возвращается? // Международная аналитика. 2022. № 13 (3). С. 16–29.

Цаллагова З.Б., Чибиров Л.А. Осетины: монография / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН – Алания. Изд. 2-е, стер. М.: Наука, 2015. 605 с.

Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. № 1. P. 63–81.

Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity // *Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B.* Cultural Trauma and Collective Identity. Los Angeles: University of California Press? 2004. 316 p.

Nora P. Les lieux de mémoire. Gallimard, 1984. 680 с.

Turner J.C. Some Current Issues in Research on Social Identity and Self-Categorization Theories // Social Identity: Context, Commitment, Content. Оксфорд: Блэкуэлл, 1999. P. 6–34.

Wawryzniak J., Pakier M. Memory Studies in Eastern Europe: Key Issues and Future Perspectives // Polish Sociological Review. 2013. № 183. P. 257–279.

REFERENCES

Agabagyan A. «Vo chto my verim?»: vozrozhdenie «Tradicionnoj religii» v postvoennoj Abhazii // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. M., 2016. S. 65–88. [*Agabaghyan A.* «What Do We Believe?»: Revival of the «Traditional Religion» in Post-War Abkhazia // State, Religion, Church in Russia and Abroad. M., 2016. P. 65–88.]

Assman A. Dlinnaia ten' proshlogo: Memorialnaia kultura i istoricheskaia politika: monografiia // Aleida Assman; per. s nem. B. Khlebnikova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p. [*Assman A.* The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics: monograph / trans. from German by B. Khlebnikov. M.: New Literary Review, 2014. 328 p.]

Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. № 1. P. 63–81.

Broers L. Politicheskoe proiskhozhdenie de-fakto gosudarstv: v poiskakh obieiasnitelnykh modelei // Mezhdunarodnaia analitika. 2022. № 3 (14). S. 11–18. [*Broers L.* Political Origins of De Facto States: In Search of Explanatory Models // International Analytics. 2022. № 3 (14). P. 11–18.]

Bzarov R.S. Iz istorii alanskoj kultury: monografiia / Institut istorii i arkhologii RSO-Alaniia. M.: SEM, 2014. 400 p. [*Bzarov R.S.* From the History of Alanian Culture: monograph / Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania. M.: SEM, 2014. 400 p.]

Dzugaev K.G. Iuzhnaia Osetiia i bolshoi terror v sovetskoj Gruzii (chast' 2) // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra. 2018. T. 18. № 1. S. 31–38. [*Dzugaev K.G.* South Ossetia and the Great Terror in Soviet Georgia (Part 2) // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. 2018. Vol. 18. № 1. P. 31–38.]

Dzugaev K.G. Iuzhnye osetiny: borba za identichnost // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia 2020. T. 20. № 6. S. 4–9. [*Dzugaev K.G.* South Ossetians: the struggle for identity // Bulletin of the Volga Region Institute of Management 2020. Vol. 20. № 6. P. 4–9.]

Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity // *Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B.* Cultural Trauma and Collective Identity. Los Angeles: University of California Press? 2004. 316 p.

Filiushkin A.I. Pochemu v sovremennom mire budushchee zameniaut proshlym: istoriia vozvrashchaetsia? // Mezhdunarodnaia analitika. 2022. № 13 (3). S. 16–29. [*Filyushkin A.I.* Why is the Future Replaced with the Past in the Modern World: Is History Returning? // International Analytics. 2022. № 13 (3). P. 16–29.]

Gatikoeva N. P. Kulturnaia identichnost kak osnova gosudarstvennoi identichnosti na primere Iuzhnoi Osetii // Cultural life in the South of Russia. 2012. № 3 (46). S. 77–79. [*Gatikoeva N.P.* Cultural Identity as the Basis of State Identity: the Case of South Ossetia // Cultural life in the South of Russia. 2012. № 3 (46). P. 77–79.]

Gurov M.B. Gosudarstvennaia memorialnaia kulturnaia politika: k voprosu o sakralnoi kommemoratsii // Kulturnoe nasledie Rossii. 2018. № 1. S. 54–60. [*Gurov M.B.* State Memorial Cultural Policy: On the Issue of Sacred Commemoration // Cultural Heritage of Russia. 2018. № 1. P. 54–60.]

Kochieva A.A. Deiatel'nost' UNESCO po okhrane kulturnogo naslediia na territorii chastichno priznannykh i nepriznannykh gosudarstv // Kontsept: filosofii, religii, kultura. 2022. № 6 (3). S. 50–67. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-50-67>. [*Kochieva A.A.* UNESCO activities to protect cultural heritage on the territory of partially recognized and unrecognized states // Concept: philosophy, religion, culture. 2022. № 6 (3). P. 50–67. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-50-67>.]

Loginov P.K. Informatsionno-psikhologicheskoe vozdeistvie v sovremennykh operatsiiakh // Voennaia mysl'. 2022. № 5. S. 60–69. [*Loginov P.K.* Information and psychological impact in modern operations // Military Thought. 2022. № 5. P. 60–69.]

Malinova O.Y. Kommemoratsiia istoricheskikh sobytii kak instrument simvolicheskoi politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza // Politika. Analiz. Khronika. Prognoz. 2017. № 4 (87). S. 6–12. [*Malinova O.Yu.* Commemoration of historical events as an instrument of symbolic policy: possibilities of comparative analysis // Polity. Analysis. Chronicle. Forecast. 2017. № 4 (87). P. 6–12.]

Markedonov S.M. De-fakto gosudarstva: politicheskii fenomen postsovetskogo prostranstva // Vestnik RGGU. Serii: Politologiya. Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia. 2018. № 1 (11). S. 24–40. [*Markedonov S.M.* De facto states: a political phenomenon of the post-Soviet space // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations. 2018. № 1 (11). P. 24–40.]

Miller A. Vvedenie. Istoricheskaia politika v Vostochnoi Evrope nachala XXI v. // *Miller A., Lipman M.* Politika pamiati v 21 veke. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. S. 7–33. [*Miller A.* Introduction. Historical policy in Eastern Europe at the beginning of the 21st century // *Miller A., Lipman M.* Politics of memory in the 21st century. M.: New literary review. 2012. P. 7–33.]

Nora P. Les lieux de mémoire. Gallimard, 1984 680 c.

Politika pamiati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy: kolektivnaia monografiia / pod red. A.I. Miller, D.V. Efremenko. SPb: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. 632 s. [Politics of memory in modern Russia and Eastern European countries. Actors, institutions, narratives: collective monograph / ed. by A.I. Miller, D.V. Efremenko. SPb: Publishing house of the European University at St. Petersburg, 2020. 632 p.]

Rusakova O.F. Diskurs gosudarstvennoi politiki pamiati kak faktor formirovaniia natsionalnoi identichnosti sovremennoi Rossii // Diskurs-Pi. 2023. T. 20. № 2. S. 32–51. [*Rusakova O.F.* The Discourse of State Memory Policy as a Factor in the Formation of National Identity in Modern Russia // Discourse-Pi. 2023. Vol. 20. № 2. P. 32–51.]

Traba R. Polskie spory ob istorii v XXI v. // *Miller A., Lipman M.* Politika pamiati v 21 veke. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. S. 65–103. [*Traba R.* Polish Debates on History in the 21st Century // *Miller A., Lipman M.* Memory Policy in the 21st Century. M.: New Literary Review. 2012. P. 65–103.]

Tsallagova Z.B., Chibirov L.A. Osetiny: monografiia / Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaia RAN – Alaniia. Izdanie vtoree, stereotipnoe. M.: Nauka, 2015. 605 s. [*Tsallagova Z.B., Chibirov L.A.* Ossetians: monograph / N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences – Alania. 2nd ed., reprinted. M.: Nauka, 2015. 605 p.]

Tuallagov A.A. O dokhristianskoi religii alanov // Izvestiia SOIGSI. 2020. № 34. S. 20–31. [*Tuallagov A.A.* On the Pre-Christian Religion of the Alans // Izvestia SOIGSI. 2020. № 34. P. 20–31.]

Turgieva Z.A., Tuaeveva B.V. Realizatsiia osnovnykh napravlenii gosudarstvennoi kul'turnoi politiki v Severnoi Osetii v kontse XX – nachale XXI v. // Izvestiia SOIGSI. 2022. № 45 (84). S. 61–70. [*Turgieva Z.A., Tuaeveva B.V.* Implementation of the Main Directions of State Cultural Policy in North Ossetia in the Late 20th – Early 21st Century // Izvestia SOIGSI. 2022. № 45 (84). P. 61–70.]

Turner J.C. Some Current Issues in Research on Social Identity and Self-Categorization Theories // *Social Identity: Context, Commitment, Content*. Oxford: Blackwell, 1999. P. 6–34.

Wawryzniak J., Pakier M. Memory Studies in Eastern Europe: Key Issues and Future Perspectives // *Polish Sociological Review*. 2013. № 183. P. 257–279.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Назар Исламович Курбанов – стажер-практикант Центра пространственного анализа международных отношений (ЦПАМО) ИМИ МГИМО, студент 2-го курса магистратуры факультета международных отношений МГИМО МИД РФ, программа «Дипломатическая служба» (Москва, Российская Федерация).

E-mail: nazar.kurbanov2001@yandex.ru

Евгения Сергеевна Комарова – стажер-аналитик Центра евроазиатских исследований ИМИ МГИМО, студентка 4-го курса факультета международных отношений МГИМО МИД РФ (Москва, Российская Федерация).

E-mail: evgeniam115@gmail.com

Алана Асхаровна Кочиева – аспирант кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД РФ (Москва, Российская Федерация).

E-mail: alanakocty777@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nazar I. Kurbanov – intern of Center for Spatial Analysis of International Relations (CSAIR) of Institute for International Studies of MGIMO, 2nd year master's student of International Relations Department of MGIMO MFA RF (Moscow, Russian Federation).

E-mail: nazar.kurbanov2001@yandex.ru

Evgeniia S. Komarova – analyst intern of Center for Euro-Asian Studies of Institute for International Studies of MGIMO, 4th year student of International Relations Department of MGIMO MFA RF (Moscow, Russian Federation).

E-mail: evgeniam115@gmail.com

Alana A. Kochieva – PhD student of the Department of Philosophy named after A.F. Shishkin of MGIMO MFA RF (Moscow, Russian Federation).

E-mail: alanakocty777@mail.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ РОССИИ В СТРАНАХ СНГ КАК ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Научная статья

В.А. Аватков

*Отдел Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН,
Институт международных транспортных коммуникаций РУТ (МИИТ)*

Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>

E-mail: v.avatkov@gmail.com

М.П. Корнетова

Институт международных транспортных коммуникаций РУТ (МИИТ)

Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2356-3916>

E-mail: m.kornetova@rut.digital